

Истории шемакинского дома

ХРАНИТЕЛЬ

Кто из нас в детстве не приставал к старшим с расспросами о том, как они жили раньше – тогда, когда были маленькими? Их рассказы-воспоминания завораживают и остаются в памяти на всю жизнь. Проходит время, и уже мы сами пересказываем их своим детям, не замечая, что, казалось бы, незначительные семейные истории становятся одним из инструментов нашего познания жизни, осмысления добра и зла.

Взрослея, мы расширяем рамки семьи и с таким же удовольствием слушаем рассказы старожилов о своём городе, о судьбах людей, живших в нём до нас, о знакомых домах и улицах. Из простых историй – радостных и грустных, весёлых и горьких – вырастает чувство любви к родной земле.

Кажется, теперь это стало очевидным – во многих городах появились клубы старожилов, которые собирают и хранят «малую» память родных мест. В Рыбинске инициатором создания клуба старожилов была старейшая актриса кукольного театра Валентина Александровна Прокофьева. Вот к ней-то мы и решили «поприставать» с вопросом: что сохранила её память о Рыбинске 20-х, 30-х, 40-х годов?

Когда Вале было несколько лет от роду, семья коммуниста Александра Прокофьева, директора гвоздильного завода, поселилась в двух больших комнатах дома, расположенного в самом центре города, напротив собора. По имени бывших владельцев этот трёхэтажный дом всегда называли шемакинским.

До революции старшие Шемякины жили на третьем этаже, там же была и девичья для их четырёх дочерей – Марии, Ольги, Татьяны, Евгении. На втором этаже располагались кухня с огромной изразцовою печью и комнаты сына Николая. На первом – дворничья, а во дворе стоял небольшой домик-прачечная.

После революции у владельца лучших галантерейных магазинов Алексея Шемякина конфисковали всё имущество, вывезли мебель, оставив семье только две комнаты и тёмную кухню на третьем этаже их собственного дома. Сам купец умер, а у его жены Евгении Дмитриевны от переживаний случился паралич. Вместе с ней в доме остался сын Николай Алексеевич с женой, актрисой местного театра Ольгой Карапетовной Демуровой, и одна из четырёх дочерей – Татьяна Алексеевна. После пребывания в «каземате» – так она называла подвал, в котором её допрашивали чекисты, надеясь получить информацию о спрятанном золоте, разум её помутился. Она работала, и только некоторые странности поведения выдавали её болезнь.

Татьяна Алексеевна каждый день сама мыла всю большую лестницу дома, хотя это могла бы

делать приходящая прислуга Шемякиных Груша. Татьяна Алексеевна очень боялась за своё имущество, даже спустя много лет, когда жила уже в Москве, она, уходя на работу, забирала с собой примус из коммунальной кухни. Работала в столице кассиром в театральной кассе, а потом сторожем в ломбарде. С гордостью говорила, удивляя слушателей, что как сторож имеет право стрелять. Оружия нет, но право есть.

Ольга, Евгения и Мария уехали в Москву значительно рань-

ше. Эльтекова – замкнутого, необщительного мужчину. Память Валентины Александровны не сохранила его имени. Осталась жить в доме и дворничиха тетя Маша – из преданности своим бывшим хозяевам Шемякиным.

Маленькая Валя до рождения брата была единственным ребёнком во всём доме. С трёх лет она, сидя на маленькой скамеечке у кровати больной Евгении Дмитриевны, слушала её рассказы о прошлой жизни купцов Шемякиных. Какие у них были магазины, что в них продавали. Как-то даже получила в подарок альбом с образцами кружев, который служил каталогом в их самом большом галантерейном магазине на Крестовой. Спрос в купеческом городе на галантерейные товары был немалый, богатыми модницами раскупались даже самые дорогие венецианские кружева.

Отец Вали всегда очень много работал – рано уходил, поздно

заказывала для себя шляпки.

Валя рано научилась читать, и ей было разрешено пользоваться библиотекой Шемякиных, которую им оставили. Неудивительно, что когда Валины сверстники пели «В лесу родилась ёлочка», она уже исполняла романсы Вертинского, подражая всем интонациям певца, а в десять лет читала «Гамлета» и «Короля Лира».

По понедельникам, когда в театре был выходной, у Шемякиных собирались актёры. Это был настоящий литературно-музыкальный салон, где читали стихи, пели, обсуждали книги и спектакли и играли в преферанс. В этих встречах принимала участие и Валя. Взрослые мужчины вставали, когда входила маленькая девочка. Она кланялась, садилась за пианино и тонким голосом выводила Вертинского: «В бананово-лимонном Сингапуре...». Вопросы «кем быть» для

неё не существовало с детства. Только актрисой, как красавица Ольга Карапетовна. Судьба этой дамы заслуживает отдельного повествования.

В молодую актрису Ольгу Демурову влюбился сын рыбо-торговца Казакова, магазин которого находился неподалёку от театра. Ухаживал по-купечески – подарил красавице веер из сторублёвых купюр. Ольга обвенчалась с Николаем Казаковым, и он привёл молодую жену в свой дом. Прошло немногим более года, как в яркую актрису влюбился другой купеческий сын – Николай Шемякин. Он оставил службу и, чтобы видеть предмет обожания, устроился в театр суфлёром. Их роман закончился замужеством.

Бывший муж Николай Казаков уехал на станцию Волга, устроился работать на вигоневую фабрику, где и нашёл свою новую судьбу – женился. Каждое воскресенье он вместе с женой приезжал в гости к Шемякиным. Иногда ездили к ним и Николай Алексеевич с Ольгой Карапетовной. Дружба двух этих семей продолжалась всю жизнь. Прочитав такие истории в книге, подумаешь: «Ну и далеко же автор ушёл от жизни, ситуации – одна другой нереальнее». Но, прожив большую жизнь, Валентина Александровна понимает, что самые удивительные истории пишет сама судьба – успевай только запоминать и записывать. Вот она и старается – таких рассказов из прошлого Рыбинска у неё, как говорит, на целую книгу. Как знать, будет ли она напечатана, но пока, чтобы эти истории не потерялись, надо чаще просить:

«Расскажите нам, Валентина Александровна, как жили раньше».

Марина ШИМАНСКАЯ.

ФОТО СЕРГЕЯ МЕТЛИЦЫ

ше. У Марии Алексеевны, в замужестве Соколовой, родился сын Николай. Художник Николай Соколов, став одним из знаменитых в советское время «Кукрыниксов», не раз приезжал в родительский дом, а в Рыбинском музее хранятся его картины, среди которых есть и вид на собор из окна комнаты шемакинского дома.

Жизнь Евгении закончилась трагически – она попала под трамвай, а Ольга заболела и значительную часть времени проводила в доме умалишённых. Когда ей становилось лучше, Николай забирал её в Рыбинск, в родной дом, где она и находилась до следующего обострения.

Второй этаж дома после революции разделили перегородками, и получившиеся проходные комнаты отдали семьям репрессированных священников – Закецким и Орликовым. Первый этаж, где раньше была дворничья, для жилья не годился: земляной пол, сырость. Но и здесь поселили одного из «бывших» –

возвращался. Но когда бывал дома, Валя подсаживалась на своей скамеечке к нему. Отец читал ей вслух газету «Правда». А красавица Ольга Карапетовна брала её с 5 лет с собой в театр, на репетиции и спектакли. Все впечатления от тех детских посещений укладываются теперь в одно слово «волшебство».

Детская память сохранила ощущение такой полноты жизни и счастья, сильнее которых в жизни было немного. Колёсные пароходы на Волге, их громкие, протяжные гудки. По мостовой с раннего утра – цокот копыт. В повозках везут продукты в магазины. На месте сеного рынка – рыбный магазин, в огромных лоханях – живые щуки, судаки, а иногда и стерлядь. Мама покупала там свежую рыбу. К берегу Волги причаливала баржа с астраханскими арбузами. К ней стекались домохозяйки со всех ближних улиц. Необыкновенный вкус тех арбузов запомнился навсегда. Мама брала её с собой к модистке, где